

ПРЕДСМЕРТНЫЙ ВОПЛЬ

ЗАГНАННОГО ДОЛЖНИКА

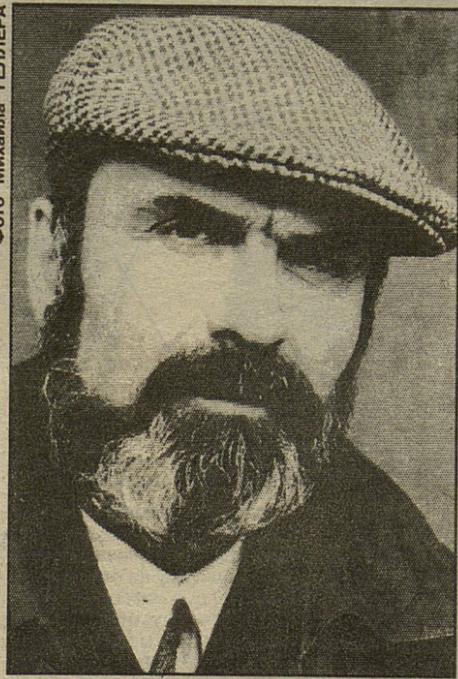

Фото Михаила Геллера

Феликс Медведев, автор и ведущий некогда популярной телепередачи «Зеленая лампа», снимавшейся у него дома, едва ли не самый крутой из «огоньковских» глашатаев перестройки, автор пяти книг и сотен интервью со знаменитостями всего мира. Лауреат Государственной и многих журналистских премий. Вошел в три издания «Кто есть кто». Обездрил полсвета, сошелся со всем цветом российской эмиграции, в том числе с десятью Романовыми, о чем написал книгу «После России», ставшую бестселлером. Работал на радио «Свобода», член многих журнальных редколлегий. Левою ногой открывал кабинеты горбачевского истеблишмента. Феноменальная карьера, всемирная известность, красивая жизнь, и вдруг...

— Куда ты исчез? Это правда, что ты прячешься и от милиции, и от мафии, и от черт знает кого? Говорят, что ты задолжал лимон гринов?

— Если бы. На процентных счетчиках мафиозных бухгалтерий значится цифра с девятью нулями.

— Что, в зеленых?

— Конечно, чего уж мелочиться...

— Но это сверхзапредельно, в такое невозможно поверить.

— Конечно, невозможно. Реально ли расплатиться с таким долгом? Ведь я всего лишь частное лицо, а не банк «Империал». Напряжение сняла бы десятка-другая. Чтобы кредиторы почувствовали, что «идет процесс». А отдавать надо прежде всего самым... бедным и самым... нетерпеливым.

— Как же ты так залетел? Коммерсантом не был, бизнесом не занимался.

— А помнишь, как однажды в ЦДЛ сострил про деньги Михаил Светлов: «Бережь чужие, а отдаешь свои». Я и в самом деле брал модные еще недавно и доступные займы, неумело ими распорядился, а своих денег для отдачи заработать не мог. Вот и накапало.

— Ничего себе накапало — вагон ассигнаций. Так как же и куда ты все-таки подевал деньги? И свои, и чужие.

— Началось все в Америке, в ноябре девяносто второго. Я всегда был сверхактивным субъектом. Без дела сидеть не могу. Варю какую-нибудь кашу. В нее же сам и вляпываюсь. Первый долговой кирпичик заложила, когда я принял предложение одного американского приятеля. «Слушай, — говорит мне Марк, — ты все можешь, прокрути одно дельце. Шесть лет назад приехал сюда из России один знакомый, привез десять картин Харитонов. Оставил их у меня и начисто исчез. Теперь я не знаю, что с ними делать. Продай их. Все, что получишь сверх двухсот долларов за картину, — твое». Я согласился и буквально на другой день в Бостоне задвинул картины одному сумасшедшему американцу. Он заплатил мне за картины пятнашку. Чистых американских гринов. Я — на седьмом небе. Отовариваюсь аппаратурой, шмотками, магазином русской книги Камкина делая месячный план. И — в Москву. А через неделю звонок «отдудова». Харитонов — фальшак, гони взад деньги, а не то перекроем Штаты,

- Я взял чужой миллион долларов
- Жизнь в бегах
- Мне предложили застрелиться
- Господи, дай шанс выжить!

в суд потащим. Я малость труханул, под большие проценты занял деньги. Рассчитался. И пошло-поехало, вовремя долг не вернул, выросли проценты.

— И что же дальше?

— Стал вертеться как белка в колесе. Продавал кое-что из книг, у меня была огромная коллекция первоизданий, автографов. С одним своим приятелем стали играть на бирже. Все шло хорошо до тех пор, пока на моего Петра не наехала шпана, подкараулили, отобрали дипломат с полсотней тысяч долларов, ваучеров и рублей. Оклемавшись через пару недель, мы снова на биржу. А на Петра уже сели по-серьезному. Подстергли, и снова еле унес ноги. А новый дипломат ты-тю. С четвёртаком... Я и пошел-покатился...

— Говорят, что ты пристрастился к казино?

— Чтобы извернуться, я решил поиграть, думал, рулетка поможет. Сначала во Франции, а потом в Москве. Но, честно говоря, не жалую об этом.

— Как не жалеешь? Спустить такие деньги и не жалеть?

— Во-первых, часть трат с казино не связана.

— А с чем же?

— Я покупал много редкостей — книг, картин, бронзу.

Одних только первоизданий поэзии у меня было тысяч пять. Особенно я разошелся в последние десять лет. Все деньги уходило на книжные магазины и аукционы. Залезал в долги, был в вечном напряге. Платил за книги больше, чем другие. На виду у всей книжной Москвы однажды на аукционе купил первую книгу Николая Асеева за полторы тысячи долларов. По тем временам неслыханная цена. А главное, книга не стоила таких денег. Я же вошел в азарт, стал тягаться с другим покупателем. Думаю, что меня подставили. Однажды на аукционе в поездке Художественного театра накупил всякого — фарфоровых чашечек русских мастеров, саблю, автограф Федора Раскольников, петровскую грамоту. «Коммерсант-Дейли» написал в отчете: «Известный коллекционер Феликс Медведев спас проваливавшиеся торги». Я порывался подать на них в суд. Они же просто «навели» на меня. Глаза мои разгорались при виде редкостей, это ведь та же болезнь, а денег вечно не хватало. Частью зарабатывал журналистикой, книгами и всегда брал в долг. Помню, в Париже, чтобы купить триста автографов русских эмигрантов — Бунина, Куприна,

Гиппиус, Савинкова, даже Ленина, занял шесть тысяч долларов. Так вот денег-то я вложил в антиквариат кучу, а потом цены на старину и особенно на книги резко упали. И я уже в тяжелом положении все разбазарил за бесценок.

— Ты не ответил, почему не жалеешь о казино. Смотри, до чего оно тебя довело — ни квартиры, ни библиотеки, ни жены. Да и одет в позавчерашние прикиды.

— Понимаешь, я отроду страшно азартный человек. Мой дед маляр, а значит, как бы цыган. Во всяком случае в обстановку и в карты играл с шестилет. А коллекционирование — это тот же азарт, та же игра. Библиофильство — страсть всей моей жизни, перед которой для меня ничто все остальные жизненные соблазны.

— Даже женщины?

— А на них не остается ни времени, ни потенции. Находка редкого автографа или книги — тот же оргазм.

— Не поверю, что ты был равнодушен к красивым женщинам, у которых брал интервью?

— Не совсем так. Например, когда я встретился с Франсу-

азой Саган в Париже у нее дома, мне страшно захотелось ее трахнуть. Во-первых, я был в нее заочно влюблен, когда в армии в конце пятидесятых годов прочитал ее первый роман «Здравствуй, грусть» и увидел ее фотографию. А во-вторых, на встречу со мной хозяйка дома опоздала на целый час. Ей было неловко, и, когда я спросил ее, как нам поудобнее сесть для беседы, она бросила: «Я готова сесть хоть к вам на колени». От этой фразы я был в диком восторге. А бывает наоборот, мне нравилась Мирей Матье, но когда я добрался до нее с интервью, почему-то я потерял к ней мужской интерес. В Нью-Йорке у меня есть подруга. Она русского происхождения. Зовут ее Таня. Красивая девушка. Однажды она привезла меня в один ресторан: «Сейчас я тебя покормлю за столом, где недавно убили главаря итальянской мафии Гамбино». Мне было ужасно любопытно. Сидим с ней, а она как бы между прочим: «Ты знаешь, мой муж ведь тоже был мафиози и его тоже убили. Приедем домой, спустимся в подвал, и я подарю тебе все его костюмы. Они ведь мне не нужны теперь. А ты — бедный советский журналист. Тебе пригодится». И она подарила мне гардероб нью-йоркского бандита. Вот в нем я сейчас и пребываю. Тот самый прикид, о котором ты сделал замечание. И потом, как правило, я брал интервью у женщин в возрасте или в слишком преклонном возрасте. Ну о каких, скажи, прыжках в сторону можно было помышлять, когда я встречался, например, с Жаклин Кеннеди, которая, кстати, тоже нравилась мне всю жизнь, или с Гретой Гарбо, которую я увидел в Нью-Йорке у ее девяностолетней подруги, поэтессы Ольги Кларк, вдовы Хосе Рауля Капабланки, и о встрече с которой мечтали все журналисты мира (самая загадочная, самая сексуальная, самая недоступная). А один мой «роман» вылился в прилюдный международный скандал. Это был нонсенс, чушь запредельная. Я брал интервью у знаменитой русской в Париже Зинаиды Шаховской. Попросился, как я делал это

всегда, сфотографироваться на память. Она согласилась. Я присел рядом с ней в кресло. И вдруг после публикации моего интервью в «Книжном обозрении», которое ей чем-то не понравилось, в редакцию приходит возмущенное письмо о том, что я чуть ли не хотел ее совратить. У Шаховской скверный характер, это известно. Редакция вынуждена была опубликовать письмо, потом мой ответ, потом снова ее письмо. Переписку я включил в книгу «После России».

— Скажи, как тебе играется в казино? Самый большой твой выигрыш и проигрыш?

— Однажды под Парижем, в Энгене, в интернациональном казино, я выиграл за три удара подряд сорок тысяч франков. Невероятным напряжением воли я трижды не снимал с цифры 29 свои чипы. И дилер трижды дала эту цифру. Два года назад в «Черри» я сотками обставил зеро, и за один удар мне выкатили около одиннадцати тысяч долларов. А вообще в тот везучий вечер я поставил свой рекорд — тридцать пять тысяч долларов. А проигрыш? Однажды я пришел в казино с сотней тысяч гринов. Просто в те времена такие деньги у меня бывали, и я не отвез их домой. Но так было раньше. С той поры я повзрослел и понял, что есть только два главных правила рулетки. Не приходи в казино с большими деньгами (потому что все спустишь) и вовремя выноси выигрыш. Больше секретов нет. Если сегодня я иду в казино, мне на розыгрыш надо всего лишь двести пятьдесят тысяч рублей. Я сумел перестроить, перекодировать свое сознание на то, чтобы малой суммой играть не за свой счет, а за счет банка. И ты знаешь, совсем другое — я бы сказал, моральное удовлетворение. Недавно, скинувшись с приятелем по пятьдесят тысяч рублей, через час я вынес из казино пять миллионов.

— Ты и сегодня болен рулеткой?

— Я пробовал лечиться у одного психиатра в российско-американском центре. Ходил месяца два. Я оказался первым из российских пациентов с диагнозом «рулеточная зависимость».

— Ну а кто ты сегодня по политическим взглядам? Когда-то был яростным демократом?

— Я человек необыкновенной общественной активности, вечно что-нибудь придумывающий. В Москве я вел несколько книжно-литературных клубов — в ЦДЛ, в Доме архитекторов, в Доме медика, в Олимпийском концертном зале. Так что я всегда был там, где мне было интересно как журналисту. Меня даже упрекали во всеядности: я дружил с Ильей Глазуновым и общался, к примеру, с Геннадием Хазановым, брал интервью у яростной антимакиавелки Нины Берберовой и был принят в доме российского царя-батюшки Владимира Кирилловича Романова. Сблизился с Андреем Синявским и Марией Розановой и их как бы антиподом Владимиром Максимовым, очень люблю Владимира Солоухина. А нынче мои интересы простерлись до границ Владимира Вольфовича. Точнее, кое-кто из его окружения мне весьма интересен. И в моем художественно-документальном романе «Мемуары из казино «Савой» выведена партия лубералов во главе с неким Мавринским.

— Тебе приходилось посещать подпольные казино — катраны?

— Катраны в основном существовали до открытия казино, то есть до 90-го года. В Москве их было довольно много. Все под строжайшим секретом, за выдачу адреса милиции убивали. Сегодня катранов в Москве мало, но они есть. Я побывал в них два раза с приятелем, заядлым картежником. Просто болел за него, сам не играл. Карты — не моя стихия. Все довольно банально. В снимаемой квартире собираются постоянные игроки, человек восемь — десять. Играть, пьют пиво, ссорятся, мирятся. Сутки напролет. Входят по одному и выходят по одному. Стараются соблюдать этические принципы игорного братства, хотя отступлениями от правил не пренебрегают — обманывают, кидают, берут в долг друг у друга. В официальном казино такие действия запрещены. Думается, катраны будут существовать вечно, в них больше свободы, нежели в общественном заведении. А это привлекает, сплачивает постоянных игроков.

— А как же думаешь все-таки выкрутиться? В твоём положении практически нет выхода: или уехать, спрятаться где-нибудь на островах, или извини, пулю в лоб.

— Как ни странно, последнее устроило бы некоторых моих кредиторов.

— Почему?

— Как говаривал товарищ Сталин, нет человека — нет проблемы. А так со мной одни муки адовые. Я только обещаю вернуть деньги — и люди ждут, надеются, а я снова оттягиваю. Они уже устали. Мне несколько раз намекали: кончай с собой. Убив себя, я освободил бы не материальную, нет, но нравственную, этическую нишу: жена могла бы выйти замуж, хотя она и сегодня свободна, мы развелись, а с друзьями я мало общаюсь. Общаться со мной сегодня очень трудно: ведь дать я ничего не могу. Уезжать и прятаться, как это делают многие в моем положении, я не буду. Пусть уж если грохнут, то здесь. Мать похоронит рядом с отцом. Но вообще-то я все-таки на что-то надеюсь. На чудо какое-то, на везение, на сказку, на время, наконец. Время лечит любые болячки и девальвирует любые деньги. Многие из моих кредиторов выкрутились, заработали, отдали за меня тем, у кого брали, другие ждут, третьи — слишком нервные, агрессивные — как правило, я должен им небольшие суммы, — выслеживают меня, пытаются подтащить, гонят, что называется, волну. Как ни странно, от них больше

Андрей Вознесенский, Вилли Токарев и Феликс Медведев.

Илья Глазунов, Мирей Матье и Феликс Медведев в мастерской художника.

Слева направо: Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский и Феликс Медведев в Переделкине.

всего мороки. Я понимаю — чем меньше человек одалживал, тем труднее ему в жизни. Конечно, я виноват перед всеми и каждый день, не поверишь, хожу в церковь, замаливаю грехи. Может быть, Бог поможет. Верю, нынче не те, чтобы тебя выручали. Вот и кручусь, придумываю, решаю. И замечаю в себе: не хочу сдаваться, хочу победить обстоятельства, в конце концов все, что я натворил, было сделано не нарочно. Не умышленно. И я, как ни странно, не считаю себя преступником. Я не «Чара», которая и не думала накручивать проценты для советской интеллигенции, а изначально определила для себя — надуть, соблудить, купить недвижимость, обогреть. И потом — самое, пожалуй, главное — по гороскопу я Рак. И вот что сообщила мне про Раков моя подруга Тамара Глоба: «Рак умеет приспособиваться ко всему. Рак выплывет из самой страшной ситуации, в которой любой другой знак либо сойдет с ума, либо откинёт копыта. Луна в силу своей приспособляемости награждает его уникальной устойчивостью, как у детской игрушки-неваляшки. Рак, случись в жизни серьезная трагедия, быстрее других оклемаётся и в материальном, и в моральном плане. Выбить его из седла невозможно». Конечно, и я не сижу сложа руки, ожидая у моря погоды. Чтобы выйти из кризиса, я делаю все, что могу.

— Например?

— Я пытался продать самую дорогую картину Ильи Глазунова «Мистерия XX века». Глазунов сказал: продашь — четвертая часть денег твоя. Я нашел банкира, согласившегося купить картину за полтора миллиона долларов. В последний момент покупка сорвалась. Верная и щедрая Джуня еще полтора года назад в качестве помощи предложила мне заложить ее дом на Арбате или коллекцию икон. И снова срыв. Я обратился за помощью к Кобзону. Отказ. Дважды находил большие кредиты, в которых часть денег шла бы мне, и снова неудачи. Кажется, реально год тому назад была возможность продать особняк в центре Москвы, все было готово — документы, деньги, я как посредник получал хороший куш. Оказалось, нас хотели просто кинуть. Бумаги фальшивые. Одному кандидату в президенты я предложил написать о нем книгу, я это делаю быстро, в торговле за ценой с его стороны дело развалилось. Я готов был написать книгу о самом главном российском криминальном авторитете, но по весьма известным обстоятельствам (его арестовали), снова осечка. Я продавал водку и спагетти, икру и книги, дублики и помидоры. Что-то получалось, но не решало проблем. Нашел банк, который страхует жизнь человека. Это был вариант на грани фола, я получал наличными большую сумму, но сам подписывал себе смертный приговор. И эта наживка

слетела с крючка. Я готов на все, лишь бы вылезти, спастись и спасти других. Но мне говорили: ты спасешься только тем, что умеешь делать — журналистикой, творчеством. И я все бросил и написал художественно-документальный роман «Мемуары из казино «Савой», который сейчас начинаю распечатывать и, надеюсь, сумею продать издателю. Как ни странно, он может меня выручить, а может быть, и спасти. Деньг будет немного, но важен толчок, важные реальные живые заработки. Чтобы люди видели, что я кручусь, что пытаюсь держаться на плаву. В последнее время стал заниматься политикой. Не исключаю найти здесь себя. В политике, особенно в предвыборной, крутятся сегодня гигантские деньги. Я пытаюсь использовать любую возможность заработать. Не так давно, ты не поверишь, из моих рук ускользнула сумма, которая позволила бы мне рассчитаться. Одна богатейшая корпорация мира, назовем ее «Антверпен», нуждалась в правительственной поддержке ее проекта. Через иностранных журналистов обратились ко мне. Я вывел людей на тех, кто может лоббировать в высших сферах. С моей стороны все сходилось, но корпорация закапризничала, ей, видите ли, не хотелось иметь дело с некоторыми из моих протеже. Пока она думала, резко изменилась политическая ситуация, и дело сорвалось.

— Бывал ли ты в заложниках?

— Раза четыре меня арестовывали бандиты. Били, увещевали, грозили. Одно время пытался заработать на процентах от посредничества при продаже антиквариата, приводил покупателей. Однажды хозяин магазина, порядочный человек, доверил мне ценности на довольно большую сумму. Я пошел на встречу с покупателем и попался в лапы «бригады». Естественно, все отобрали, а на мне повис еще один долг. Три раза из-за моих долгов, к сожалению, брали в заложники моих кредиторов. Жену одного из них продержали около суток. В результате за разборку они лишились «девятки», которая, естественно, повисла на мне. Другого кредитора продержали в подмосковном поселке трое суток. Надо было выплатить пять тысяч долларов. Найти деньги я не смог. Переговоры велись по радиосвязи через приятеля кредитора и меня с женой похищенного. Но денег мы не нашли. Тогда бандиты под железное условие отдачи в такой-то день отпустили парня. По прошествии недели ситуация не изменилась, деньги не нашлись. И семья кредитора была вынуждена сменить квартиру. Однажды, когда я еще жил в своей квартире на Покровке, ворвались бандиты, взломали железную дверь и три ночи дежурили, поджидая меня или кого-то из моей семьи. Честно сказать, из квартиры ничего не исчезло, но после непрошенных визитеров я не обнаружил коробки с сорока пленками записей передачи «Зеленая лампа». Невосполнимая, убийственная утрата. И еще на эту тему. Время от времени в магазинах появляются в продаже книги с дарственными надписями мне. По разным причинам они отторгнуты от меня, но они мне очень дороги. Так я лишился книг с автографами Габриэля Гарсиа Маркеса, Роже Гароди, Эжена Ионеско, Андрея Вознесенского, папы римского Иоанна Павла Второго. Это те книги, с которыми я могу расстаться в самую последнюю очередь, когда буду умирать с голоду. Пользуясь случаем, прошу, умоляю тех, кто видел мои книги или пленки с «Зеленой лампой», сообщить мне. Специально для этого я одолжил у редакции пейджер на трое суток. Позвоните: 2320000 — 3448.

— Как же тебе при таком долге удается выживать?

— Сам не знаю, как. Думаю, что люди просто или махнули на меня рукой — черт де с ним, или по-прежнему верят в мою удачу. Правда, однажды, когда было совсем невмоготу и немного страшно, я обратился в РУОП, прямо к начальству. Так, мол, и так, задолжал, посоветуйте, как быть. Вышло все довольно наивно. Детективы выслали и дали такие советы: «Деньги надо возвращать. Это факт. Помочь деньгами мы тебе не можем, это тоже факт. Если уж подопрет, мы можем кого-то там задержать, но только на время. Совет: не ходить ни на какие разборки, встречи с бандитами и даже кредиторами. Скрываться, уйти в подполье, не ездить на общественном транспорте, не бывать в людных местах. И главное — ищи деньги». Трижды я нарушал эти советы и трижды поплатился. Причем один раз меня валтузил самолично вор в законе. Швырялся в глаза чаем, бил по голове, хватался за оружие. Спасла меня моя железная выдержка. В другой раз начался мне морду один клерк из президентской команды. Вроде бы интеллигент. Но бил он меня, как штатный запленных дел мастер. На уровне кагэбэшного капитана, перешедшего в эфэсбэшные майоры. Все норвил ногами по лицу. И здесь я сдержал свой бешеный мажарский темперамент, мне не хотелось быть ниже его. Мне было даже смешно,

как это — белый воротничок и дерется, и я хохотал. Месяц назад меня подстерегал киллер. Он дежурил у подъезда до часа ночи — видимо, зная, что я не езжу на такси и появляюсь с закрытием метро. Киллер, пропустив меня вперед, крадся неслышными кошачьими шагами, через ступеньку. Он должен был, по-видимому, подгадать меня у самой двери, лифта в моем доме нет, но его остановила курившая на площадке соседка. Завидев ее, он пулей выскочил на улицу. Дверь стукнула, соседка — к окну и видит, что от подъезда резко отъезжает машина.

— А где ты живешь? Крыша-то есть над головой? Какая у тебя была хорошая квартира на Покровке. Жаль, что ты ее потерял, сколько интересных людей перебивало в ней. Хоть мемориальную доску прибавь.

— О прошлом я не думаю, иначе сойду с ума. Живу у тех, кто дает ночлег. Один добряк — прямо святой человек — снял для меня квартиру, точнее, комнату. Живу с чеченцем. Так что в курсе всех событий в Чечне. Жутко, когда он показывает по виду, что происходит на самом деле на его родине. Крутой парень, прошел Афган, пережил смерть близких, потерял в Грозном все, что было найдено. С детьми и женой в последний момент вырвался из ада. О моих трудностях он догадывается, предлагает крышу. Ну и гипотетическую помощь. «Давай, — говорит, — выкупим ваших солдат, найди банк или заинтересованную структуру, готовую заплатить за русских парней. У меня есть возможности вернуть их домой. На этом деле мы с тобой заработаем».

— А тебя-то надували?

— Особенно переживаю из-за одной кидаловки. Не хотел бы поднимать эту тему, ну да ладно уж — до кучи. С 86-го по 90-й год, когда в «Огоньке» вместе с Евгением Евтушенко публиковалась придуманная им антология русской поэзии. Работу мы делали с ним вдвоем. Заключение договор с издательством «Книга» о выпуске трехтомника. Составители — оба. Дарственные автографы на книгах той поры говорят сами за себя: «Дорогому Феликсу, соотцу антологии...». «С великой благодарностью за совместную работу...», а в какую-то сюрреальную минуту ралыва чувств Евтушенко с ходу на моих глазах вписал в первый том собрания сочинений: «На мою прославленную все взлезли. Я недопрославлен, все брехня. Потому что есть Медведев Феликс, переизнаменитый мной». Получить такой автограф от Евтушенко — это действительно сюрреализм. Знаменитее себя Евтушенко считал, наверное, только Христа. И потом, наш герой весьма завистлив и ревнив. Много времени провели мы вместе в работе над антологией — у меня дома, у него на даче, в библиотеках, в нью-йоркской гостинице, просто в машине. И вот год назад Евгений Александрович позвонил и попросил меня снять мою фамилию. «Я издам книгу в Америке, меня знают, а твоя фамилия мало известна. В знак благодарности я расскажу о тебе в предисловии». И — намекнул о денежной «компенсации». Я согласился. И что же? Антология вышла не только в Америке, но и здесь многокилограммовым фолиантом. Открыл 13-ю страницу и посмотрел, как отец антологии благодарит меня. Он даже не нашел места, чтобы полностью назвать мое имя. Я уж не говорю о какой-то «компенсации» — тем более сейчас, в моем нынешнем положении. Цена же машины почти 50 долларов. Так рухнул в мой жизни еще один миф. Ну да ничего, выживем.

Игорь ДУДИНСКИЙ